

Тамбиянц Юлиан Григорьевич

доктор философских наук,
профессор кафедры социологии и культурологии
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина

Шалин Виктор Викторович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии и культурологии
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕОЛОГИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация:

В статье методологически доказывается целесообразность применения категории «цивилизационная идеология» применительно к современным процессам, происходящим в духовной сфере. Усиление глобальных процессов, идейным выражением которых выступает современная версия либерализма, встречает серьезного оппонента в лице национальных культурных традиций, сопротивляющихся универсализму. Либерализм рассматривается авторами как цивилизационная идеология западных стран, так как является результатом определенных исторических обстоятельств, а также развития западной культурной традиции. Государства, следующие фарватеру западной политики, ориентируются на западный либерализм, тогда как национальные системы, претендующие на самостоятельное международное влияние, выводят на первый план собственные традиционные культурные ценности. Ко второй категории относится современная Россия, внутренняя духовная ситуация которой тяготеет к цивилизационной идеологии, и подобная мировоззренческая тенденция констатируется авторами со ссылкой на результаты эмпирического исследования. Российская цивилизационная идеология вбирает в себя некоторые элементы консерватизма, социализма и либерализма, однако в роли фундамента все же выступает ценностно-консервативная составляющая. Такая идеология содействует тенденциям сближения государства и общества и благоприятствует формированию национально-государственной идентичности. В то же время нельзя считать ее утверждение в общественном сознании полным и окончательным. Пока здесь следует видеть своеобразный «ответ» российского социума на череду усиливающихся глобальных вызовов.

Ключевые слова:

цивилизационная идеология, глобализация, либерализм, консерватизм, национальная культурная традиция, общественное сознание.

Tambiyants Yulian Grigorievich

D.Phil., Professor,
Social and Cultural Sciences Department,
Kuban State Agrarian University

Shalin Viktor Viktorovich

D.Phil., Professor,
Head of the Social
and Cultural Sciences Department,
Kuban State Agrarian University

CIVILIZATIONAL IDEOLOGY AT THE PRESENT STAGE

Summary:

In terms of methodology, the article proves the feasibility of applying the category of "civilizational ideology" in relation to modern processes taking place in the spiritual realm. Strengthening the global processes which are ideologically expressed by modern liberalism face the national cultural traditions resisting to universalism as a serious opponent. Liberalism is considered by the authors as a civilizational ideology in Western countries since it is the result of specific historical circumstances, as well as the development of the Western cultural tradition. The states being under the influence of Western policy rely on Western liberalism, while the national systems applying for independent international influence prioritize their traditional cultural values. The second category includes modern Russia, the internal spiritual situation whereof tends to the civilizational ideology. This worldview trend is stated by the authors citing the results of the empirical research. The Russian civilizational ideology includes several elements of conservatism, socialism, and liberalism, however, value and conservative component serves as a foundation. This ideology contributes to the tendencies of convergence between the state and the society and is conducive to the formation of the national and state identity. At the same time, it is impossible to consider its adoption to be full and final in the public mind. Meanwhile, it should be seen as a specific response of the Russian society to the growing global challenges.

Keywords:

civilizational ideology, globalization, liberalism, conservatism, national cultural tradition, social consciousness.

Прошедшие после крушения социалистической системы десятилетия выявили ряд проблем, которые трудно объяснить с точки зрения категорий и подходов, методологически действенных в «век идеологий». Оптимистический сценарий, констатирующий полную и окончательную победу либерализма (Ф. Фукуяма), не нашел своего подтверждения. И вряд ли следует все-ррез видеть здесь влияние имперского синдрома (Э. Паин, С. Гавров), ведь довольно продолжи-

тельное время – практически весь ельцинский и частично путинский период – российское руководство стремилось к тому, чтобы стать частью западного мира, предпринимая соответствующие экономические, культурные, внутривластные и геополитические шаги.

Однако многие обществоведы уже тогда отмечали тщетность этих усилий, в последние годы это стало очевидно и для ряда российских государственных деятелей. В некотором роде иллюстрацией может служить проблема вхождения России в Евросоюз. В статьях середины 2000-х гг. член аппарата Европарламента М. Петер и профессор Свободного университета Западного Берлина Г. Вагнер обосновывают невозможность этого, причем каждый автор приводит свою аргументацию [1]. Тем самым, несмотря на первоначально жесткий либеральный курс, Россия так и не была принята в сообщество стран победившего либерализма. Это обстоятельство и ряд проблем, которые обозначила на внутреннем уровне реализация либерального курса, побуждают российских политиков к планомерному отказу от либерального проекта. Подобная тенденция четко просматривается в содержаниях посланий президента – одного из основных текстов государственной идеологии. Если в ельцинский период послания отчетливо выражали либерально-конституционную линию, а в первые два путинских срока в государственной идеологии либерализм стал разбавляться консервативными категориями (например, понятие суверенной демократии), то в третий срок президентства В. Путина следует говорить уже о консерватизме с либеральными компонентами.

Как представляется, описание духовно-политических аспектов современной действительности с помощью категорий идеологической триады «либерализм – консерватизм – социализм» становится затруднительным. Необходим несколько иной методологический ракурс, который будет предложен в данной статье. Целесообразно говорить о цивилизационных идеологиях, которые во многом определяют специфику западного и российского мировоззрений на современном этапе.

В работах ряда западных ученых (К. Санторо, С. Хантингтон) предлагается так называемый посткатастрофический сценарий мировых отношений, суть которого в целом сводится к тому, что после противостояния двух идеологических систем им на смену придут иные идентичности. Полагаем, что в ходе объяснения современной практики методологически вполне сочетаемы мир-системный и цивилизационный подходы, часто принципиально оппонировавшие друг другу на уровне теорий. Некоторые небезуспешные попытки их теоретического синтеза предприняты в работах экономиста М. Делягина, историка А. Уткина.

По мнению М. Делягина, биполярная конкуренция социалистической и либеральной систем происходила в рамках единой культурно-цивилизационной парадигмы. В результате создавалось своего рода силовое поле, которое удерживало остальное человечество. Исчезновение этого силового поля и вывело на первый план цивилизационные идентичности [2, с. 332–333]. Однако цивилизационные противоречия оказываются значительно глубже, чем это имело место в биполярной конкуренции, следовательно, цивилизационное противостояние оказывается более жестким. Современные цивилизации «не только преследуют разные цели разными методами, но и не могут понять ценности, цели и методы друг друга... Компромисс возможен только при изменении образа жизни, то есть уничтожении участника компромисса как цивилизации... Каждая из трех великих цивилизаций, проникая в другую, не обогащает, но, напротив, разъедает и подрывает ее» [3, с. 334–335].

Иное видение предлагает в работах лево-почвеннического исследователя и публициста С. Кара-Мурзы. Здесь утверждается, что конкуренция между СССР и Западом уже тогда происходила именно на цивилизационной основе. Автор считает СССР типично *традиционным* обществом, противостоящим типу *современного* общества, сложившегося в западных странах под влиянием Реформации и протестантизма. Причем степень промышленного развития не признается как главное различие традиционного и современного общества. Например, Япония – «в высшей степени развитая промышленная страна, но сохранившая самые главные черты традиционного общества». Традиционный социальный тип вовсе не обязательно считать косным, так как в определенных условиях он вполне способен реализовывать «проекты быстрого и мощного развития» [4, с. 160]. Для С. Кара-Мурзы различие Запада и России прежде всего мировоззренческое, что реализуется в соответствующих институциональных структурах.

Отталкиваясь от подобных рассуждений, целесообразно поставить вопрос: насколько современное общество может быть увязано с западной культурной традицией? Ряд ученых здесь склонны считать принципиальные разрывы. Еще классик социологии знания К. Маннгейм констатировал разные типы мышления консерватизма и либерализма, увязывая это с системными трансформациями западного социума [5]. С. Кара-Мурза считает, что современный социальный тип возник на обломках традиционного средневекового общества, а эпоха Возрождения была переходным периодом, своего рода западной «перестройкой» [6, с. 160]. Близкие позиции выражают А. Дугин, А. де Бенуа и др. Можно сказать, что здесь на первый план выходят методологические ориентиры веберизма, делающие упор на различиях традиционного и индустриального мышления прежде всего в хозяйственных вопросах. Закономерно, что в качестве главных факторов называется ряд протестантских доктрин, производной которых стал дух капитализма.

Другая позиция в целом связывает современность с эволюцией именно западного культурно-цивилизационного типа. Развал Римской империи обусловил формирование культуры Европы в качестве целостного католического мира. Церковь формировала общую нормативно-ценностную систему, единое ценностное пространство. Именно ранний римский католицизм оказался «...единой и единственной матрицей европейской цивилизации». Причем церковь первоначально взяла на себя как духовные, так и политические функции, явившись, по словам И. Киреевского, «первым звеном того феодального порядка, который связал в одну систему все различные государства Европы» [7, с. 309].

Но уже в раннее Средневековье наметился конфликт, предтечей которого выступил дуализм общественного бытия, обусловленный существованием Церкви как Тела Христова – особого мира внутри наличного социополитического мира. Дуализм представлен: как противопоставление папы римского и императора, как противоборство религиозной и секулярной тенденций. Вместе с тем для европейской цивилизации знаковым был не столько дуализм, сколько его опосредованность указанным нормативно-ценностным порядком. Он обусловил единство противоположностей и возможность их взаимообусловленного решения, показал допустимую меру легитимизации, остроты и разрушительности социальных и политических конфликтов. Полагаем, что «идеальный тип конфликта» в рамках европейской цивилизации соответствует гегелевской теории противоречия. Его оборотная сторона – договорной характер европейского общества, содержащий в себе аксиому Э. Дюркгейма: консенсус стоит за спиной контракта.

Вестфальский мир 1648 г., заключенный между протестантами и католиками, не только явился компромиссом, но и дал толчок идейно-политической секуляризации. Религия, от имени которой велась братоубийственная война, по выражению А. Тойнби, становилась неактуальным элементом культурного наследия католиков и протестантов. «Почему бы молчаливо не согласиться устранить религиозные войны устранением самой религии и не сконцентрироваться на применении естественной науки к практическим делам?» [8, р. 82].

Этот компромисс создал идейно-политическое пространство для появления и легитимного существования центра между противоположностями, возникшими в лоне европейской цивилизации. Таким центром становился либерализм в его прикладном, социально-функциональном, а не идейно-доктринальном значении. Либеральный центр стал выражением нового облика европейского нормативно-ценностного порядка, функционально обусловил содержательное развитие и практическое применение конкурирующих с ним идейно-политических систем консерватизма и социализма. В этом смысле можно говорить о либеральной природе европейской политики и цивилизации в целом. Компромисс католиков с протестантами был первым практическим опытом установления равновесия частных сил. Данный опыт имеет всемирное значение, поскольку он формировался не на основе предшествующих конфликту норм и ценностей, а в условиях изменения старого порядка и создания нового. В то же время этот опыт не дает готовых моделей свободного развития многообразия, которые подлежат тиражированию в других сферах жизни. Он задает лишь схему противоречивого компромисса принципов и идей. Его историческая динамика, выявление скрытых в нем моментов во многом определили характер последующего развития как теории, так и практики стран Запада.

В работах современника М. Вебера В. Зомбарта довольно убедительно описывается формирование духа современного предпринимательства под воздействием множества субъективных и объективных факторов. В плане первых выделяются нравственно-этические учения, содержащиеся в религиозных доктринах. Причем тенденции, приведшие в итоге к современности, подспудно содержались уже в работах Фомы Аквината, а впоследствии развивались в трудах теологов и мыслителей XIV–XV вв. (Кайетани, Альберти). В плане вторых имеется в виду комплекс явлений, характерный для западного Средневековья (золотой запас, миграции, государственная централизация). При этом нужный результат достигался там, где эти условия действовали комплексно, а не разрозненно. В. Зомбарт предлагает здесь следующую диалектику: «В эпоху раннего капитализма предприниматель делает капитализм, в эпоху высокоразвитого капитализма капитализм делает предпринимателя» [9, с. 192]. Неслучайно протестантизм был первоначально враждебен капитализму, но впоследствии признал его и даже сыграл значительную роль в формировании предпринимательского духа, что оказалось «у него *отвоевано и вырвано насильно* мощью хозяйственных условий» (выделено В. Зомбартом) [10, с. 270].

На наш взгляд, западную средневековую традицию целесообразно принимать в расчет в качестве одного из весьма значительных факторов современного либерального (западного) мышления. Так, корни того же западного индивидуализма выявлялись Н. Бердяевым в ходе его описаний сравнительных характеристик отечественного и западного мировоззрений. Наконец, концепция историка Л. Милова дает довольно убедительную картину обусловленности российского коллективизма и западного индивидуализма природно-географическими условиями.

Кроме того, имеет смысл обратить внимание на социально-политические обстоятельства, способствующие актуализации либерального мировоззрения. Прежде всего это функциональная

деградация сословной системы и разрушение традиционного порядка, подкрепляемого духовной секуляризацией. Либерализм во многом отражал чаяния третьего сословия, экономической активности которого явно препятствовало не только приходившее в упадок дворянство, но и политический абсолютизм. Отсюда и следовали тезисы минимального государства, политико-правового равенства индивидуальной свободы. Таким образом, полагаем, что, несмотря на свои универсалистские претензии, либерализм явился во многом продуктом исторических обстоятельств с одной стороны, а также особенностей европейской культурной традиции – с другой.

Тем самым возможно рассматривать либерализм в качестве цивилизационной идеологии западных стран, сыгравшей далеко не последнюю роль в их международном доминировании. Ведь последнее имеет отнюдь не только экономическую, но и политическую, культурную составляющие. Следует напомнить, что цивилизационная конкуренция имеет очень долгую историю и является намного старше международных экономических отношений и собственно либерализма. До середины II тыс. н. э. названная конкуренция имела колебательный ход, но за последние 500 лет в ней наметилось решительное доминирование Запада. Теоретики мир-системного анализа (И. Валлерстайн, Дж. Арриги) определяют рождение первой европейской глобальной системы в результате Великих географических открытий. Но уже в эпоху позднего Средневековья и первых колонизаций народов Американского континента, где поначалу тон задавала Испания, в европейском мышлении отчетливо проявляются черты расистского превосходства, которые И. Валлерстайн выявляет в полемике Х. Сепульведы и Б. де Лас Казаса [11].

В дальнейшем по ходу формирования колониальной системы в конце XIX – XX в. в мировоззрении европейцев (особенно у представителей интеллектуальной общественности) утверждается так называемый ориентализм. Суть последнего сводится к тому, что заслуга создания современных обычаев, норм и практик, развившихся в капиталистической мир-экономике, приписывалась исключительно европейской цивилизации, прогрессивной по своей природе. Современность есть воплощение действительно универсальных ценностей и выступает в качестве морального блага, а также исторической необходимости. В неевропейских цивилизациях выявлялось нечто «несовместимое с движением человечества к современности и подлинному универсализму», так как они являются отчасти застывшими, неспособными изменяться в направлении современности без вмешательства внешней силы – европейцев [12, с. 24]. По выражению Э. Саида, ориенталисты исследуют Восток «как бы сверху» [13, с. 369], анализируя его через призму исключительно западного мышления.

Современная идеология западной цивилизации оказалась основательно американизированной, чему способствуют как объективные, так и субъективные обстоятельства. Нельзя не подчеркнуть роль англосаксонской культурной традиции, которая имела своеобразное развитие в условиях США. Работы как критиков (Н. Нарочницкая, А. Уткин), так и апологетов (С. Хантингтон) американского мессианизма вскрывают его протестантские корни. При этом С. Хантингтон считает последний исключительно моральным делом – по его словам, политика США «была и остается политикой морализма и этических норм», а сами жители Америки видят свой долг нести другим народам собственные нравственные идеалы [14, с. 132–133]. Мнение о том, что «Америка – это сила добра в современном мире», весьма распространено среди западной, и особенно американской, интеллектуальной общественности [15, с. 60].

С нашей точки зрения, либеральное мышление затрагивает вопросы общечеловеческих (универсальных) ценностей, но делает это примерно в той же степени, что и другие мировоззренческие системы (религиозные, идеологические), претендующие на тотальный охват проблематики нынешней действительности. Современный кризис либерализма связывается с кризисом мировой капиталистической системы (И. Валлерстайн). Представляется вполне логичной и обоснованной точка зрения ряда обществоведов, считающих либерализм только одной из форм сознания, органично присущего западному миру и, соответственно, не имеющего особых оснований быть навязанным незападным обществам [16].

Как бы то ни было, цивилизационная перспектива Запада на настоящий момент является наиболее действенной и успешной. Анализ всех ее преимуществ не может быть помещен в рамки статьи, но отметим здесь несколько факторов, которые оказались следствием «привлекательного образа» западного мира, созданного искусственно.

По нашему мнению, раньше по времени завил о себе культурная и политическая притягательность демократических ценностей, о которых пишет З. Бжезинский [17, с. 37–38], если трактовать шире – идей Просвещения, выступивших в свое время интеллектуальной основой как либерализма, так и социализма. Это создавало и продолжает создавать во многих обществах немалый слой приверженцев западных ценностей, которые (зачастую невольно) играют роль «пятой колонны». Роль подобных групп излагается в несколько эмоциональной концепции «малого народа» И. Шафаревича. Кроме того, объективно западное общество действительно продемонстрировало устойчивую восходящую хозяйственную динамику, подкрепляемую технологическим прогрессом.

Превосходство западной цивилизации зиждется на нескольких моментах. Так, М. Делягин указывает на финансовую экспансию как главное орудие современной цивилизационной конкуренции. Финансово-экономический образ действий является наиболее универсальным, в отличие от идеологической, религиозной или тем более этнической экспансии. Фактически «проводником финансовой экспансии и, следовательно, сторонником Запада в цивилизационной конкуренции объективно служит почти всякий участник рынка», независимо от его политических и культурно-национальных предпочтений [18, с. 338]. Но дополнительную привлекательность для верхов, а также в отношении социального большинства создают разные обстоятельства. Для первых подобную роль играет неолиберальный проект, имеющий классовую сущность и потому взятый элитами большинства стран на вооружение, для вторых – потребительская культура, примитивно апеллирующая к низменным основаниям человеческой природы и в этом плане действительно универсальная.

Отрицательная сторона развития Запада (европейского и североамериканского общества) прослеживается в культурной нивелировке, из-за чего «...различия во взглядах и мировоззрении основной массы людей становятся не существенны» [19, с. 158]. А без этих «различий» невозможно развитие демократических институтов. Капиталистическое общество, движущей силой которого позиционируют средний и креативный класс, порождает то, что такой подход фиксирует тиранию большинства. В свою очередь, данная категория подавляет всякое инакомыслие и само многообразие в обществе намного эффективнее, чем любой абсолютистский режим. Одномерность человека и есть его крайняя нетолерантность. Принцип толерантности в нынешней идеологии Запада в его последовательном развитии приводит к торжеству противоположности. Принцип личности (свобода индивида) трудно, а то и невозможно согласовать с принципом демократии (господство большинства). Указанная альтернатива фиксирует теоретический и политический тупик либерального мышления и политической практики. Экономическое и политическое неравенство, равенство в сфере морали и нивелировка в сфере культуры образуют социокультурный фон капиталистического общества.

В то же время следует отметить некоторые особенности западной цивилизационной идеологии, играющие весьма значимую роль. Как и любая другая идеология, западное политическое мировоззрение не может обойтись без образа врага. В качестве такового здесь активно эксплуатируются формы радикалов-экстремистов, террористов, диктаторов, наполняемые тем или иным содержанием в зависимости от ситуации. При этом содержательное наполнение происходит по признаку лояльности-нелояльности западной политике. Швейцарский журналист Г. Меттан констатирует, что в понимании западного истеблишмента диктатура диктатуре рознь и если одних следует рассматривать исключительно как тиранов, то других как защитников свободного мира [20, с. 14–15].

Двойной стандарт западного мышления явственно обозначается в позиции по народам бывшей Югославии. Оценки Балканской войны в западном общественном мнении искусственно выстраиваются в сторону демонизации православных сербов и «обеления» тяготеющих к Западу хорватов, а также боснийских мусульман. Если сербов принято голословно обвинять в военных преступлениях, то хорваты под благосклонным покровительством западных стран спокойно используют в своей нынешней культурно-политической символике образцы усташеского государства НГХ, просуществовавшего с 1941 по 1945 г. в качестве сателлита нацистской Германии. При этом все попытки иного, более объективного видения жестко пресекаются на политическом уровне. В развитых западных странах существует вид более «мягкой», чем в том же СССР, цензуры, но не менее эффективной [21]. Это дает свои плоды. Например, весьма сильный испанский писатель и публицист А. Перес-Реверте совершенно убежден, что именно сербы являются главными виновниками жестокостей Балканской войны.

Важно, что в последние два-три года все чаще по объективным причинам в качестве врага выступает Россия. Образ России имеет в целом довольно негативный окрас в европейской политической культуре. Причем подобный подход сложился еще в раннем Средневековье, что показывает в своем исследовании Г. Меттан [22]. Надо отметить, что все западные геополитические школы (а именно в рамках этой научной дисциплины четче всего проявляется ангажированность национальными интересами) позиционируют Россию в качестве крупного актора международных отношений. Однако отношение к ней представителей атлантизма исключительно враждебное, тогда как континенталисты придерживаются более неопределенных оценок. Но в последние десятилетия в связи с англосаксонской гегемонией закономерно усиливается именно враждебность, так как Россия выступает естественным геополитическим конкурентом атлантистического мира.

Конкуренция цивилизаций наиболее основательно рассматривалась в рамках цивилизационной парадигмы (А. Тойнби, С. Хантингтон, З. Бжезинский, А. Уткин и др.). М. Делягин на начало 2000-х гг. определял в качестве конкурирующих цивилизационных перспектив западную, исламскую и китайскую, тогда как российская цивилизация находилась лишь в процессе становления [23, с. 334–335]. На сегодняшний момент вполне можно рассуждать об участии России в конкуренции именно на цивилизационном уровне, так как поле ее культурного и политического влияния шире государственных границ. Здесь следует констатировать весьма существенные измене-

ния за весь постперестроечный период как в сфере идеологии, так и в реальной политике. В результате возникновения череды глобальных вызовов оказалась неизбежной реабилитация идеи империи – по сути неотъемлемой российской почвеннической характеристики. Мы склонны считать неточной и идеологизированной трактовку империи в либеральном духе главным образом как диктаторской, антидемократичной формы правления [24]. Империя есть особый государственный тип, сложившийся в ходе взаимодействия различных народов в одних государственных рамках. Характерной чертой империи выступает стержневой (имперский) этнос, выстраивающий систему взаимоотношений с другими входящими в империю этносами [25, с. 147].

Выше уже говорилось о переменах в области российской официальной идеологии, теперь следует сказать о тенденциях общественного сознания в соотнесении их с реальными шагами политического руководства. Имеет смысл подчеркнуть, что даже в ельцинский период были отдельные проявления общественного организма, продиктованные российской цивилизационной логикой. Речь идет не только о массовых попытках поддержки Верховного совета в 1993 г., но и о довольно немалом числе русских добровольцев, воевавших на сербской стороне в югославском конфликте [26], притом что отечественные либеральные прозападные СМИ явно поддерживали противников сербов, считая последних агрессорами. Также стоит указать на участие российских добровольцев в грузино-абхазском и приднестровском конфликтах.

Политическое руководство страны сменило внешнеполитические приоритеты, как представляется, не в последнюю очередь под воздействием череды международных вызовов, среди которых надо отметить недопущение России в ЕС, грузинскую агрессию 2008 г., украинские события 2013 г. Ряд решительных шагов В. Путина в имперско-национальном духе фактически трансформировал его образ в общественном сознании из преимущественно классовой фигуры в национально-государственного лидера. Об этом свидетельствуют не только данные опросов, но и прогосударственные симпатии ряда известных представителей общественности, ранее настроенных оппозиционно, например писателей левых взглядов С. Шаргунова, З. Прилепина, бывшего сотрудника радио «Свобода», либерального журналиста А. Бабицкого.

О показательных тенденциях общественного сознания современных россиян позволяют судить результаты опроса, проведенного на базе лаборатории социологических исследований Кубанского государственного аграрного университета. Опрашивались респонденты юридических, инженерно-строительных, аграрных профессий, а также обучающиеся вузов. В итоге была подтверждена гипотеза о кризисе традиционных идеологий – выявлено очень малое количество респондентов (около 2 %), которых можно записать в последовательных либералов, консерваторов или приверженцев социализма. Однако в плане духовных предпочтений россиян оказалось возможным дифференцировать по иной линии.

В контексте иерархии социальных идентичностей большинство россиян ставят на первое место государственно-национальную принадлежность, затем следует семейная принадлежность, на третьем месте – корпоративная и лишь на четвертом – классовая идентичность. Интересное отношение продемонстрировали респонденты к Октябрьской революции. В трех группах опрошенных (за исключением юристов) это явление большей частью респондентов расценивалось с имперско-державных позиций – «в результате Россия стала мировой державой», при этом обходились социалистическая (был установлен справедливый порядок) и либеральная (в результате были террор и нарушение прав человека) трактовки. В нынешнем украинском конфликте большинство россиян склонны поддерживать официальную правительственную линию, однако в среде юристов и студентов от 20 до 26 % респондентов выбрали нейтральное отношение. Интересно, что готовность к отстаиванию национальной безопасности утверждает явное большинство респондентов во всех группах (от 70 до 85 %). Хотя следует учесть, что около пятой части респондентов колеблется в этом плане. Тем не менее в целом данные опроса уверенно показывают, что кризис национальной идентичности в России не зашел так далеко, как в европейских странах [27]. Тенденция реанимации державного имперского сознания у современных россиян проявляется и в оценках исторических личностей. Предлагалось назвать деятелей российской истории с точки зрения положительной и отрицательной ролей. В плане положительного значения уверенное лидерство захватил «триумvirат»: В. Путин, И. Сталин, Петр I. А вот в отрицательном плане вне конкуренции оказались фигуры М. Горбачева и Б. Ельцина.

Структура анкеты дала возможность выявить группу респондентов, видящих в России выгодные отличия от западных стран, и респондентов, придерживающихся противоположных позиций. Классифицировать опрошенных по критерию «западник – антизападник» оказалось намного легче, чем выявлять приверженцев классических идеологий. Во всех группах антизападники численно заметно превосходят западников: у аграриев это соотношение 23 % против 11 %, у представителей инженерно-строительных специальностей – 28 против 17, у юристов – 30 против 22, у студентов и вообще 42 % против 9,5 %. Несмотря на это обстоятельство, все же следует иметь в виду, что немалое число респондентов уверены в преимуществах именно западного общества,

причем более всего таковых (более одной пятой) среди работников правовой сферы. Кроме того, следует учитывать весьма большую долю (в двух группах респондентов таковых более половины) выразивших нейтральную оценку по данному вопросу. Оценочные предпочтения этой группы могут поменяться в зависимости от развития ситуации в ту или иную сторону.

Результаты опроса, с нашей точки зрения, позволяют предположить, что на современном этапе происходит актуализация именно цивилизационного сознания наших соотечественников. Это происходит во многом под воздействием вызовов глобализации, и со стороны России либерально-западнический вариант ответа на эти вызовы потерпел очевидный крах уже потому, что заведомо исходил из сущности западного общества – естественного конкурента российского. В этом плане сходятся довольно разные мыслители: М. Делягин, А. Дугин, С. Кара-Мурза – считая, что либеральный проект в российских условиях неизбежно примет антироссийский характер.

На цивилизационной почве обозначились тенденции сближения государства и общества, институциональным выражением которых стал Изборский клуб. В состав этой организации входят многие известные политические деятели постсоветской эпохи, которые занимали в свое время разные позиции политико-идеологического спектра, но сегодня сошлись именно на почве консервативно-державнических устремлений. Это, например, выходцы из консервативного спектра – философы А. Дугин, В. Аверьянов, епископ Т. Шевкунов, геополитик В. Коровин, историк Н. Нарочницкая, скорее бывшие либералы – публицисты М. Леонтьев, М. Шевченко, экономист С. Глазьев и носители больше левых идей – писатели Ю. Поляков, З. Прилепин. Председатель организации А. Проханов в прошлом известен своими красно-патриотическими взглядами. Главными задачами Изборского клуба являются написание аналитических докладов, направленных на формирование обновленной патриотически ориентированной государственной политики; взаимодействие с интеллектуальной элитой страны, в том числе в федеральных округах РФ; формирование новой нелиберальной повестки дня в российских медиа; содействие формированию политико-идеологической коалиции патриотов-государственников, имперского фронта; наконец, противодействие внутренней либеральной «пятой колонне», работающей на зарубежные центры влияния (<https://izborsk-club.ru/about>).

В то же время нельзя отрицать, что общее ослабление либеральных позиций в России вовсе не означает их полной ликвидации. В российском социуме имеется ряд сфер, которые фактически осуществляют функции либеральных трансляторов, тем самым работая на западную цивилизационную перспективу.

Во-первых, это неолиберальный проект, все еще безраздельно господствующий в экономике (о чем свидетельствует политико-идеологическая приверженность ее ключевых фигур), ускоряющий процессы формирования классового сознания, прежде всего социальных «верхов», и способствующий перспективе общественной дезинтеграции.

Во-вторых, значительная часть интеллигенции, включая представителей научного сообщества, продолжает придерживаться либеральных ценностей, близких к классическому варианту. То есть интеллектуальные традиции западничества занимают по-прежнему весомые позиции в российском политико-культурном пространстве. Российский научный дискурс пронизывают разные типы мышления, выражающиеся в соответствующем категориальном аппарате. Так, проявление национальных чувств у либералов обычно трактуется как ксенофобия, державность – как шовинизм, апелляция к коллективным ожиданиям и чаяниям – как популизм и т. п. [28].

В-третьих, в обществе имеется немалая доля сторонников западного образа жизни, что продемонстрировали результаты исследования. Вместе с тем эту часть общества целесообразно рассматривать дифференцированно. Например, представители правовой сферы, буквально пропитанной либеральными категориями (правовое государство, свобода личности, конституционализм и т. п.), видят в российской практике не столько их дискредитацию, сколько забвение. Другая часть россиян принимает либерально-западную систему ценностей в силу того, что сами они объективно связаны с носителями и трансляторами этой идеологии (работники российских филиалов транснациональных корпораций).

Обобщая все высказанные выше соображения, предлагаем следующие выводы:

1. Одной из главных задач глобальных процессов является единение мира на западных условиях. Формирование социально-экономической и политической целостности предполагает некую духовно-культурную основу, в качестве которой выступает западное мировоззрение в либеральном варианте, суть которого изначально заключала универсалистские претензии. Закономерно, что глобальные тенденции встретили жесткого оппонента в лице культурных традиций. Тем самым актуализацию цивилизационных перспектив можно считать реакцией на усиление фактора глобализации. Вполне естественно, что это находит определенное отражение на идейном уровне: если на протяжении большей части XX столетия (век идеологий) национально-куль-

турный фактор подстраивался под определенное идеологическое выражение, то сейчас положение стало более неопределенным. Ряд стран, следующих фарватеру западной политики, ориентируются на западный либерализм, тогда как общества, претендующие на самостоятельное международное влияние (Китай, Россия, в некоторой степени исламский мир), выводят на первый план собственные традиционные культурные ценности.

2. В целом развертывание событий в постсоветской России в очередной раз демонстрирует правоту методологии, опирающейся на интеллектуальное наследие славянофильства. В свое время отечественное развитие западного марксизма не избежало основательной переработки российскими условиями, что отразилось в ленинском проекте. В современной России глубоко западный подход оказался совершенно нежизнеспособным, что сейчас выражается как в теории, так и на практике. Актуализируются работы авторов, делающих ставку либо на роль культурной традиции (А. Панарин, И. Василенко и др.), либо на геополитический принцип «месторазвития» (А. Дугин), либо стремящихся к сочетанию обоих подходов (В. Цымбурский).

В настоящий момент российское национальное мировоззрение (которое трактуется нами как видение, охватывающее общественное большинство) адекватно определять в терминах цивилизационной идеологии. В некотором роде ее можно считать не столько продуктом, сколько следствием кризиса и распада идеологической триады. Цивилизационная идеология России вбирает в себя некоторые элементы консерватизма, социализма и либерализма, однако в роли фундамента все же выступает ценностно-консервативная составляющая. Последняя является теоретическим выражением неких постоянных параметров России как культурного организма. Такая идеология содействует тенденциям сближения государства и общества (особенно в контексте современной международной обстановки), поскольку благоприятствует формированию национально-государственной идентичности. Однако несколько поспешным будет считать ее утверждение в российском духовном пространстве полным и окончательным – ей оппонируют ряд внутренних и внешних факторов. Скорее, российская цивилизационная идеология – своеобразный «ответ» социума на череду усиливающихся глобальных вызовов.

Ссылки:

1. Афанасьев В.В. Россия и Европа: нации в эпоху глобализации : сборник трудов. М., 2009. 478 с.
2. Делягин М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. М., 2003. 768 с.
3. Там же. С. 334–335.
4. Кара-Мурза С.Г. Россия не Запад, или Что нас ждет. М., 2011. 256 с.
5. Маннгейм К.: 1) Идеология и утопия // Маннгейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. 704 с. ; 2) Консервативная мысль // Там же.
6. Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. С. 160.
7. Киреевский И.В. Девятнадцатый век // Европеец. М., 1989.
8. Toynbee A. Civilization on Trial and the World and the West. Cleveland ; N. Y., 1963.
9. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М., 2004. 624 с.
10. Там же. С. 270.
11. Валлерстайн И. Европейский универсализм: риторика власти // Прогнозис. 2008. № 2 (14). С. 3–56.
12. Там же. С. 24.
13. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. Говорунова. СПб., 2006. 640 с.
14. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008. 640 с.
15. Меннел С. История, национальный характер и американская цивилизация // Прогнозис. 2008. № 3 (15). С. 59–77.
16. Грей Дж. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. М., 2003. 368 с.
17. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. 256 с.
18. Делягин М.Г. Указ. соч. С. 338.
19. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. 554 с.
20. Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2016. 464 с.
21. Джульетто Кьеза: Свободы прессы на Западе давно уже нет [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/12182> (дата обращения: 04.06.2017).
22. Меттан Г. Указ. соч.
23. Делягин М.Г. Указ. соч. С. 334–335.
24. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. 352 с. ; Паин Э. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2003. 248 с.
25. Махнач В.Л., Елишев С.О. Политика. Основные понятия : справочник, словарь. М., 2008. 288 с.
26. Поликарпов М.А. Сербский закат. М., 2007. 352 с.
27. Доган М. Падение традиционных ценностей в Западной Европе: религия, государство-нация, власть // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 12.
28. Верховский А.М. Эволюция постсоветского движения русских националистов // Вестник общественного мнения. 2011. № 1 (107). Январь – март. С. 11–35 ; Зверева Г. Русский проект: конструирование позитивной национальной идентичности в современном российском государстве и обществе // Eurasian Reviews. 2008. Vol. 1, no. 3. P. 15–46 ; Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политэкс. 2010. Т. 6, № 1. С. 5–28.

References

- Afanasyev, VV 2009, *Russia and Europe: the nations in the era of globalization*, collection of works, Moscow, 478 p., (in Russian).
- Brzezinski, Z 1998, *The grand chessboard*, Moscow, 256 p., (in Russian).
- Delyagin, MG 2003, *The world crisis. General theory of globalization*, Moscow, 768 p., (in Russian).
- Dogan, M 1999, 'The fall of traditional values in Western Europe: religion, state-nation, power', *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, no. 12, (in Russian).
- Gavrov, SN 2004, *Modernization in the name of the empire. Sociocultural aspects of modernization processes in Russia*, Moscow, 352 p., (in Russian).
- Giulietto Chiesa: *Freedom of the press in the West has long been gone* 2017, viewed 04 June 2017, <<https://izborsk-club.ru/12182>>, (in Russian).
- Gray, J 2003, *Enlightenment's wake: politics and culture at the close of the modern age*, 368 p., Moscow, (in Russian).
- Huntington, S 2008, *Who are we? The challenges to America's national identity*, Moscow, 640 p., (in Russian).
- Kara-Murza, SG 2011, *Russia is not the West, or What comes next*, Moscow, 256 p., (in Russian).
- Kireevsky, IV 1989, 'The nineteenth century', *Yevropeyets*, Moscow, (in Russian).
- Makhnach, VL & Elishev, SO 2008, *Policy. Basic concepts: reference book, dictionary*, Moscow, 288 p., (in Russian).
- Malinova, OYu 2010, 'The construction of a macro-political identity in the post-Soviet Russia: symbolic politics in a transforming public sphere', *Politeks*, vol. 6, no. 1, pp. 5-28, (in Russian).
- Mannheim, K 1994a, 'Conservative thought', *Mannheim K. Diagnosis of our time*, Moscow, 704 p., (in Russian).
- Mannheim, K 1994b, 'Ideology and Utopia', *Mannheim K. Diagnosis of our time*, Moscow, 704 p., (in Russian).
- Mennel, S 2008, 'History, national character, and American civilization', *Prognosis*, no. 3 (15), pp. 59-77, (in Russian).
- Mettan, G 2016, *The West vs Russia – a thousand year long war. Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian Crisis*, Moscow, 464 p., (in Russian).
- Pain, E 2003, *Between the empire and the nation. Modernist project and its traditionalist alternative to the national policy of Russia*, Moscow, 248 p., (in Russian).
- Polikarpov, MA 2007, *Serbian sunset*, Moscow, 352 p., (in Russian).
- Said, EW & Govorunov, A (transl.) 2006, *Orientalism. Western concepts of the East*, St.-Petersburg, 640 p., (in Russian).
- Sombart, W 2004, *Bourgeois. The Jews and economic life*, Moscow, 624 p., (in Russian).
- Tocqueville, A 1992, *Democracy in America*, Moscow, 554 p., (in Russian).
- Toynbee, A 1963, *Civilization on Trial and the World and the West*, Cleveland, New York.
- Verkhovsky, AM 2011, 'Evolution of the post-Soviet movement of Russian nationalists', *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 1, (107), January – March, pp. 11-35, (in Russian).
- Wallerstein, I 2008, 'European universalism: the rhetoric of power', *Prognosis*, no. 2 (14), pp. 3-56, (in Russian).
- Zvereva, G 2008, 'Russian project: constructing a positive national identity in the modern Russian state and society', *Eurasian Reviews*, vol. 1, no. 3, pp. 15-46, (in Russian).